

САМОРОДКИ ГЕННАДИЯ СКАРЛЫГИНА

Чем коренной сибиряк отличается от прочих граждан России? У него в крови стремление к душевному уюту среди дикой природы, лучше - северной. В нём вечная подспудная дума о воле, а у сибирского горожанина – тоска по воле, стремление обрести её при всяком удобном случае. Ему часто снится туманная река детства, и он слышит во сне шум родной тайги. На этих звуках замешен всякий сибиряк. Они живут в нём до конца дней.

Поэт Геннадий Скарлыгин тоже родился и вырос в Сибири, в Кемеровской области. Учился в Томске, работал в Забайкалье, Туве и на Колыме. Сибиряк законный, закоренелый. У него и название книги - с настоящим сибирским звучанием: «Всё унесёт река».

Геннадий Скарлыгин из геологов, поэтому бродяжий дух в нём неистребим. Но в стихах он чурается откровенной напускной романтики. Он всегда серьёзен. У него нет тайги, почти нет рюкзаков и костров, но у него есть Родина – большая и малая.

*Нас возвращают к жизни,
Казалось бы, пустыки:
Крикнет кукушка трижды,
Вспенится стрежь реки,
Ветер скользнёт по лужам,
Зазолотится рожь,
Дымок над селом закружит,
Заплачет на крыше дождь.*

Если не обращать внимания на слово «крикнет» применительно к голосу кукушки, то перед взором читателя действительно встанет целебная для души и тела картина: малая родина, останавливающая любую боль. И это так.

В этом году я похоронил дочь. Боль была невыносимая, я не знал, куда от неё деться. Но купил билет в родной Кузбасс, взял внука, которого оставила мне дочь, прилетел к старенькой маме и двум братьям, живущим там, на родине, в посёлке Темир-Тау, и боль стала притупляться. Я начал забываться среди родных мне людей и деревьев. Я начал оживать. И внук забылся, хотя по малолетству не очень-то и понимал, что произошло.

*В часы душевного покоя
Я представляю сосен шум.
И ливень серого покроя.
И холодок от тяжких дум.
И ветерок в осеннем поле,
И зов простуженных дорог,
Где есть для нас родной до боли,
Родной до боли уголок.*

Стихи Геннадия Скарлыгина созвучны моей душе, она откликается на них. А, значит, поэта хочется читать. Причём, читаю не выборочно, а подряд, не пропуская страниц. И передо мной открывается целостная картина. Род его из-под Кемерово, из Червяков, где и сейчас «под управой сельской» стоит их родовой дом – высокий, над рекой. Строили его два деда Скарлыгина – родной и двоюродный. Построили, жили, работали, но были объявлены кулаками. И началась у скарлыгинского рода новая судьба, как у многих тогда в России, точнее – в СССР: «тюрьма да сума». Вот и сам Геннадий, уже в третьем поколении после дедов, не обошёл этой судьбы:

*Брат утонул в озере,
Стоял июльский зной.
Мать нас в посёлке бросила.
Отец ушёл в запой...*

Или:

*...Предала нас мать, отец ушёл из дома,
А бабушке одной не выкормить детей.*

Но бабушка выкормила, выходила «сорванцов». Бабушкам и дедушкам всегда больше всех надо, они ответственные за род, поэтому вытягивают внуков, чего бы им это ни стоило. И хорошо, если внуки остаются благодарными, выходят в люди, меняют свою судьбу, снимают с себя проклятье рода. Похоже, получилось это и у Геннадия Скарлыгина, если следовать биографическим пунктирам его лирического героя. Избежав судьбы с обязательными тюрьмой да сумой, его герой, нахлебавшийся нужды, не закаменел сердцем и не осудил страну, не нарёк её мачехой. Уж он-то точно никогда не скажет: «В этой стране...», а только: «В нашей (моей) стране».

Дом моих предков, тоже высокий, стоявший над рекой Кондомой, которая впадает в родную реку Скарлыгина – Томь, тоже после прихода советской власти находился под управой сельской. Разница лишь в том, что моя родовая деревня Широкий Луг, стоявшая на границе Горной Шории и Горного Алтая, не сохранилась, заросла тайгой. Как не сохранилась братская могила белогвардейцев в Новокузнецке, павших в боях с красными за город Кузнецк в 1919 году. В этой могиле был похоронен мой двоюродный дед. Родной дед был тогда подростком, судьба его сберегла, он прошел войну с 1941 по 1945 год, носил орден и медали, но о брате-беляке никогда не рассказывал, говоря, что «умер», просто рано умер.

Это тоже судьба – недоговаривать, скрывать, таиться, жить по деревням да золотым приискам. Поэтому я понимаю Геннадия Скарлыгина и его героя. И радуюсь, что и он не осудил, поднялся над судьбой, взлетел на писательские высоты, вышел к большому читателю, и его читают.

*Легче лёгкого нам осудить страну,
Осудить себя сложнее – так от века.*

Или:

*...А сколько же веков хрипел на дыбе,
И словом «Родина» врагов своих встречал.*

Навсегда самой родной, олицетворяющей собой Родину, осталась для него бабушка. «Давно уж без тебя живём да поживаем, роднее есть родня, да я такой не знаю».

Сегодня, когда по стране вновь – пьянь да наркота, намешенные на отчаянии, нищете, когда с легкостью бросают детей, как нужны такие бабушки. Им гимны надо петь. Геннадий Скарлыгин своей спел. И Женщине своей спел, потому что бабушка ведь тоже женщина. А вот отца с матерью (биологических родителей) простил ли? Похоже, не смог. «Но мне уже поздно меняться, с собой этот грех унесу».

Боже, сколько выпало и еще в России выпадет на долю сирот. И тех, кто при родителях, да, получается, что без них - без их заботы и ласки. Ещё неизвестно, кому хуже. Но это совсем не значит, что России нужна ювенальная юстиция, которую зовут, торопят некоторые ретивые

борцы за «счастливое детство». Не ювенальщики нам нужны, отбирающие детей, рвущие их из рук, не казённые дома для детей, а бабушки типа скарлыгинской, да и, чего там скромничать, дедушки типа меня самого, воспитывающего внука, оставшегося без мамы, а папа (опять же – только биологический) – где-то живёт сам по себе.

Читаю, читаю книгу Геннадия Скарлыгина «Всё унесёт река» и сердцем проникаюсь в неё, чувствую каждую строчку. Так задеть может не всякий поэт.

И соглашаюсь, что всё унесет река, все невзгоды, все отчаяния, но самое главное в нас останется: Любовь, Дом, Родина, Вера. Это те самородки золота, которые тяжелее воды, они оседают на дне, остаются на месте.

Геннадий Скарлыгин – распахнутый поэт, открытый. В этом сила его творчества. Ведь хочется примерять стихи и судьбу на себя, что я и делаю. Примеряю вину за смерть близкого человека. Примеряю вину за бесславный конец любви. Примеряю вину за оставленные родные края. Примеряю вину за непонимание меня женщиной. И всё сходится, всё в пору. Это я во всём виноват...

*На этом ли пути
Нас обожали?
И вечное «Прости»
В моих скрижалях.*

Поэт даже перед спецпереселенцами оправдывается в своей поэме «Парабельский мужичок». Оправдывается, словно и он причастен к их невзгодам и трагедиям. Но, оправдываясь, видит силу русского мужичка, который, высадившись на пустынном, диком, необжитом берегу, сумеет обжиться. Смертей среди переселенцев много, но «как погосту ни расти – избы переселят, может, можно здесь найти, среди болот, Россию». И ведь нашли они свою Россию. Дали потомство. Так когда-то обживалась, обстраивалась вся Сибирь. Русские люди проникали в самые гущи тайги, кто искал воли, покоя, кто дичи и рыбы. Места хватило всем, а позже и спецпереселенцам еще нашлось. И выработывался сибирский характер. Который потом помог отстоять от фашистских полчищ Москву. Помог выбить вражескую пробку под Сталинградом. Помог взять Берлин.

И ковался этот характер не без помощи таких бабушек, как скарлыгинская, у которой, впрочем, есть конкретное имя - Татьяна Николаевна Червова, которой он посвятил небольшую поэму, завершающую книгу. Любовь, Дом (Кров), Родина, Вера, и, я бы добавил, Память – вот главные самородки поэзии Геннадия Скарлыгина. Наверное, они есть и у многих других поэтов, но проба этих – выше. И я счастлив, что однажды он подарил мне свою книгу. Получилось, что нашёл понимающего сопереживателя. И почитателя.

Александр СМЫШЛЯЕВ,
председатель Камчатского отделения Союза писателей России

Камчатка. 1-3 ноября 2013 г.